

Женщины, вооруженный конфликт и язык – гендер, насилие и дискурс

Лора Дж. Шеферд*

Лора Дж. Шеферд — преподаватель в Бирмингемском университете, Великобритания, специализируется по международным отношениям. Она является редактором книги «Вопросы гендера в глобальной политике»¹ и автором труда «Вопросы гендера, насилия и безопасности: дискурс как практика»², а также многочисленных научных статей, опубликованных в престижных научных журналах, включая «International Studies Quarterly», «Review of International Studies» и «Journal of Gender Studies».

Краткое содержание

Какая лексика и какие понятия используются при формулировании политических документов? Критическое рассмотрение этой лексики позволит соответствующим специалистам избежать неосознанного воспроизведения различных форм угнетения и неравноправия, которые такие политические документы ставят своей целью преодолеть. В настоящей статье автор подвергает анализу главу 5.10 «Комплексных нормативов ООН в отношении разоружения, демобилизации и реинтеграции» (United Nations Integrated Disarmament, Demobilization and Reintegration Standards), отмечая, что политики, ученые, студенты и специалисты-практики неизбежно формируют и (или) изменяют смысл, действуя из лучших побуждений, однако это не обязательно приводит к политической или практической инерции.

• • • • •

* Адрес электронной почты: L.J.Shepherd@bham.ac.uk

1 См.: Laura J. Shepherd (ed.), *Gender Matters in Global Politics — A Feminist Introduction to International Relations*, Routledge, London, 2009, 440 p.

2 См. : Laura J. Shepherd, примечание 3 ниже.

Политика языка

Во время учебы в аспирантуре я приняла участие в конференции, где начала с того, что объяснила группе уважаемых ученых суть своей докторской диссертации (анализ Резолюции № 1325 (2000) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по проблеме женщин, мира и безопасности)³, а затем поинтересовалась, как я могла бы сделать свое исследование полезным для специалистов-практиков и, в конечном счете, для тех, на чью жизнь повлияли насилие и незащищенность, о которых шла речь в моей диссертации. Мне ответили, что добиться этого вряд ли возможно, так как в моей работе рассматриваются «несколько иные проблемы». Полученный мною ответ основывался на мнении, что исследование, опирающееся на теоретические изыскания, посвященное вопросам французской философии и не использующее специальных программ статистического анализа, вряд ли будет практически полезным для политиков и различных заинтересованных сторон. Вот это широко распространенное и часто повторяемое мнение и будет подвергнуто критическому анализу в настоящей статье. Вопреки предположению, что пристальное внимание к анализу языка либо означает использование чрезмерно сложной терминологии для объяснения относительно простых идей, либо приводит к исследованиям, не имеющим практического значения (а возможно, и то и другое), в настоящей статье развивается мысль о том, что язык — это средство выражения политики, а также ее носитель, ее щит и ее маскировочное средство. Теоретически мы должны знать язык, прежде чем комментировать производимый им эффект, а тем более утверждать важность — или неважность — его изучения; вряд ли когда-либо еще мне приходилось заниматься делом, которое было бы теснее связано с практикой, чем формулирование политики языка. Язык имеет значение. Мы знаем, что язык имеет значение. Правительство Великобритании знает, что язык имеет значение. В статье 29B(1) Закона 2006 г. о расовой и религиозной нетерпимости (Racial and Religious Hatred Act) говорится, что «лицо, *использующее угрозу словом или действием, либо демонстрирующее какие-либо письменные материалы угрожающего характера, совершает правонарушение*»⁴. Разве стало бы правительство принимать закон о недопустимости применения определенных языковых средств, если бы оно не стремилось показать, что язык оказывает на нас воздействие и влияет на нашу жизнь в окружающем мире?

Наш собственный жизненный опыт подсказывает нам, что язык имеет значение, что слова создают реальность. Есть такие слова, которые были исключены из нашего лексикона, поскольку их применение наносило слишком большой вред. Есть запрещенные слова, которые дети произносят шепотом, с виноватым

3 Моя докторская диссертация была позднее опубликована в виде книги *Gender, Violence and Security: Discourse as Practice*, Zed, London, 2008.

4 Racial and Religious Hatred Act 2006 (United Kingdom). Доступно по адресу: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2006/ukpga_20060001_en_1 (последнее посещение — 27 марта 2009 г.) Курсив автора.

восторгом. Есть слова, которые мы произносим постоянно и которые были бы непонятны нашим бабушкам и дедушкам. Более того, ритм и содержание нашего общения зависят от контекста. Слова, которые уместны для заседания совета директоров, не всегда подходят для спальни или бара. В повседневной жизни мы признаем, что слова обладают властью, то же самое происходит и в официальной политике. Не требуется больших усилий, чтобы признать значимость слова и в нашей профессиональной жизни. Я не берусь утверждать, что для того, чтобы стать политически значимым, всякий анализ должен вестись на теоретически-дискурсивном уровне, то есть должен принимать язык всерьез, поскольку это было бы нелепым. Тем не менее хочу сказать, что постструктуралистские теории языка могут многое предложить политикам и специалистам-практикам, и для того чтобы понять, как лучше претворять политику в жизнь, нам следует сначала понять, *каким образом* политика обретает значение, а не просто, что она означает. Иными словами, мы должны понять политический документ, прежде чем его реализовывать. В настоящей статье говорится, что мы должны критически подходить к тому, каким образом наши представления о мире, в котором мы живем, опосредуют и обеспечивают такое понимание политики. Если мы хотим избежать бессознательного воспроизведения различных форм угнетения и неравноправия, которые различные политические документы ставят своей целью преодолеть, мы должны всерьез принять идею Жака Дерриды, что «*ничего не существует вне текста*» (*'il n'y a pas de hors-texte'*)⁵.

«Ничего не существует «вне текста» [...] Вот почему деконструктивистскому прочтению подвергаются не только хранящиеся в библиотеках книги, деконструкции подлежат дискурсы, понятийное и семантическое содержание. Это не является лишь анализом дискурса [...] Это эффективные и активные [...] интервенции, которые трансформируют контекст»⁶.

Поскольку я занимаюсь дисциплиной (международные отношения), располагающей четким понятием о том, в чем именно состоят «эффективные и активные интервенции» (написание же статей о языке к таковым не относится), мне очень хотелось бы, чтобы политика, которую я защищаю, признавалась как законная и полезная форма интервенции. Это «не политика как средство дойти до истины, а политика как деятельность, ставящая под вопрос утверждения, считающиеся истинными»⁷. Создавая (воспроизводя) смысл, дискурсивные практики сохраняют, конструируют и составляют, легитимизируют, временно исключают истину и сопротивляются ей. Именно такие практики мы и будем исследовать. Даже простое формулирование заголовка исследования представляет собой дискурсивную практику: есть

5 Jacques Derrida, *Of Grammatology*, transl. Gayatri Chakravorty Spivak, Johns Hopkins University Press, London, 1974, p. 158 (курсив оригинала).

6 Цит. по: Richard J. Bernstein, *The New Constellation: The Ethical-Political Horizons of Modernity/Postmodernity*, MIT Press, Boston, MA, 1991, p. 211 (курсив оригинала).

7 Terry Aladjem, 'The philosopher's prism: Foucault, feminism and critique', in *Political Theory*, 1991, Vol. 19, No 2, p. 280.

разница между названиями «Женщины, вооруженный конфликт и язык» и «Гендер, насилие и дискурс». Первое удобно вписывается в эмпирические рамки (мы наблюдаем и, соответственно, знаем, что такое язык, что такое женщины и что такое вооруженный конфликт), чего нельзя сказать о втором варианте названия. Второй вариант требует скорее концептуального, а не эмпирического подхода. Я включаю оба варианта в заголовок настоящей статьи не только для того, чтобы привлечь внимание к тому факту, что эти две фразы, состоящие из трех слов и вроде бы имеющие одинаковое значение, несут в себе совершенно разные коннотации, но и для того, чтобы показать, что мы *должны* (ах, какое коварное увещание!) рассматривать и тот и другой вариант в процессе изучения и практического применения политики и политических документов.

Политические документы являются одной из разновидностей дискурсивных практик, и, воспринимая их именно таким образом, можно задать вопрос, который в определенном смысле наиболее прямо связан с политикой и политически релевантен: почему реальность, которую мы воспринимаем как данность и которая характеризуется властным неравенством и различными формами угнетения, порой с применением насилия, принимается нами такой, какая она есть? Гендерная логика самыми разными способами порождает (не)равенство и организует общественную жизнь; анализируя политику в отношении женщин и войны, настоящая статья стремится внести вклад в дискурсивно-теоретический анализ. Намечаемый мною здесь анализ политики, который ведется с безусловно постструктуралистских позиций, подчеркивает неоднозначность и противоречия, содержащиеся в любом политическом документе. В статье предлагается удобная стратегия их преодоления, что содействует продуктивной реализации политики и созданию потенциала для перемен. Статья состоит из трех основных разделов. В первом разделе я очерчиваю постструктуралистский подход к дискурсу, который, как я считаю, способствует некоторым видам анализа политических документов и прочих важных политических материалов. Во втором разделе представлен материал, иллюстрирующий изложенные теоретические положения при помощи анализа главы 5.10 «Комплексных нормативов ООН в отношении разоружения, демобилизации и реинтеграции» (United Nations Integrated Disarmament, Demobilization and Reintegration (DDR) Standards)⁸,

8 Программы по разоружению, демобилизации и реинтеграции (РДР) — это комплексный и многоуровневый набор процедур, «относящихся к проблеме безопасности и имеющих политическое, военное ... гуманитарное и общественно-политическое измерение. Они предназначены для решения проблем, связанных с безопасностью, в постконфликтных ситуациях, которые возникают во время жизненно важного периода перехода от конфликта к миру и развитию, когда бывшие комбатанты остаются без средств к существованию и лишены какой-либо поддержки, кроме как со стороны своих бывших товарищей». См.: United Nations Disarmament, Demobilization and Reintegration Resource Centre, 'What is DDR?', 2009. Доступно по адресу: <http://www.unddr.org/whatisddr.php> (последнее посещение — 3 декабря 2009 г.). Разоружение относится к процессу сбора и уничтожения стрелкового оружия и боеприпасов; демобилизация — это переход от активной военной и военизированной службы к

озаглавленной «Женщины, гендер и РДР». В последнем разделе я предлагаю ряд заключительных замечаний и выдвигаю потенциально плодотворные направления для будущих исследований.

«Каким образом политика обретает смысл?»⁹

Когда-то я уже писала, что «понимание того, каким образом концептуальная структура политических документов предписывает (запрещает) эффективную политическую практику, представляет собой значительную трудность, и это понимание еще не получило своего теоретического анализа»¹⁰. К этому выводу я пришла, в частности, когда скрупулезно проанализировала Резолюцию № 1325 (2000) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций — чрезвычайно важный политический документ, рассматривающий вопросы гендера во время урегулирования конфликта и постконфликтной реконструкции. Однако большинство исследований, посвященных Резолюции № 1325 (2000) СБ ООН, рассматривают трудности, связанные скорее с ее реализацией, нежели с политикой ее формулирования; я же ставила своей задачей выяснить, почему Резолюция была составлена именно так, как она была составлена, и предположила, что на самом деле трудности с ее реализацией были обусловлены содержащимися в ней формулировками. Когда я приступила к исследованию Резолюции № 1325 СБ ООН, то предполагала, что понимание идей и идеалов, связанных с гендером, проблемой насилия и безопасности, которое представлено в Резолюции, должно соответствовать тем идеям и идеалам, которые проповедают организации, участвовавшими в составлении этого документа, — то, что я называю «дискурсивной почвой» организации, которая основана на конкретных пространственно-временных правовых системах, культурных и социально-политических традициях, геополитическом положении, истории и т. п. Если бы мне удалось доказать, что это именно так (а я полагаю, что в конечном счете мне это удалось), тогда значение этого обстоятельства для формулирования политики было бы весьма серьезным: ведь порой неосознаваемые, подсознательные идеи, которых придерживаются люди, оказываются включенными в политические документы, конструируя их весьма специфическим образом.

Теория вопроса начинается с предположения, что ни одна «вещь» не обладает материальной реальностью, не будучи названной. Не существует универсальных и безусловных определений, на которые мы, ученые и практики, можем сослаться. Все понятия обретают смысл посредством контек-

гражданской жизни; реинтеграция — это процедуры, которые позволяют бывшим комбатантам, поддерживающим их лицам и попечителям перейти к целесообразной и достойной мирной жизни.

9 Dvora Yanow, *How Does a Policy Mean? Interpreting Policy and Organizational Actions*, Georgetown University Press, Washington, DC, 1996.

10 Laura J. Shepherd, примечание 3 выше, с. 164.

ста, который их артикулирует. Возможно, это покажется противоречащим здравому смыслу. Ведь слова «женщина — это женщина» означают «женщину» вне зависимости от «контекста», не так ли? Однако по сути дела это не так, поскольку, как мы сможем понять, исходя из постструктуралистской теории гендера¹¹, мы никогда не можем «закрепить» идентичность «женщины» вне зависимости от контекста. Говорить о женщинах может быть полезно со стратегической точки зрения или же возникает непосредственная необходимость говорить с женщинами. В некоторых случаях бывает даже политически оправданным выступать от имени женщин, однако мы никогда не знаем, кого мы включаем в категорию «женщины», а кого исключаем. Далее, мы не можем быть уверены, что наши собеседники имеют то же представление о женщинах, что и мы сами, что на их карте границы включения и исключения обозначены так же, как на наших собственных. Наконец, даже если мы согласились со всеми, кого интересует эта проблема, что мы знаем, что *представляет собой* категория «женщины», например, что она включает мужчин-транссексуалов, сменивших свой пол на женский в результате операции, а также тех, кто, по их собственному признанию, считает себя «butch» или «boi»¹², однако исключает, например, трансвеститов (drag queens), транссексуалов, сменивших женский пол на мужской, и тех, кто относит себя к «sissies»¹³, мы не смогли бы, как это показывают приведенные примеры, со всей определенностью сказать, что мы знаем, что *означает* понятие «женщина».

Приведенные соображения не являются исключительно «академическими» в уничижительном смысле слова, так как они имеют существенное значение для формулирования политики и ее имплементации. Далее я проанализирую три подхода, которые мы используем при формулировании политических материалов, а затем соотнесу эти идеи с постструктуралистскими теориями дискурса. Во-первых, встает вопрос здравого смысла. Теоретики постструктурализма зачастую пытаются «показать, что вещи не являются столь самоочевидными, как нам представляется; то, что нам казалось самоочевидным,

11 Постструктуралистская теория гендера — это корпус работ в области феминизма, который основан на достижениях постструктурализма. Хотя определить их общий смысл весьма непросто, основные достижения указанных работ двойки: понятие гендера не связано с биологическим полом (напротив, наши идеи, относящиеся к биологическому полу, возникают на основе гендера) и мы не можем допустить, что та или иная анализируемая категория (включая понятие «женщина», как указывалось выше) обладает какими-либо сущностными или внутренне ей присущими характеристиками.

12 Термин «butch» обычно применим для описания женщин (или мужчин) с нарочито агрессивным или мужеподобным поведением и внешностью; термин «boi» может относиться к женщине, которая проявляет признаки, обычно ассоциируемые с молодыми гетеросексуальными мужчинами (включая случайные половые связи с многочисленными партнерами женского пола) или с молодой и (или) покорной «butch».

13 Термин «drag queen» обычно применяется для описания мужчин, которые ведут себя как женщины, развлекаясь таким образом (на людях). Термин «sissy» относится к мужчине, который перенимает женский тип поведения и внешности в личной жизни.

больше не будет восприниматься как таковое»¹⁴. Политическую деятельность тем или иным образом представляют нам средства массовой информации (кто считается авторитетной персоной, кого приглашают за стол переговоров, чье присутствие или отсутствие воспринимается «нормальным»), так же происходит репрезентация политики в политических документах и репрезентация глобальной политики, в более широком смысле, в поп-культуре и искусстве — все это определяет наше восприятие глобальных политических процессов и своего собственного места в них. Репрезентации «никогда не носят только дескриптивный характер, они всегда имеют нормативный и, соответственно, ограничительный характер»¹⁵, так как содержат предписания (и запреты) относительно того, принимать ли нам существующее положение дел, устанавливая, таким образом, границы здравого смысла, что Стюарт Холл называл «моментом чрезвычайного идеологического ограничения»¹⁶.

Во-вторых, мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о включении и исключении, о котором шла речь выше. В своей работе, посвященной теории гендера и развитию, Сьюзи Джоли напоминает, что «нормы имеют всепроникающий характер, они не только определяют сексуальную сторону нашей жизни, но и формируют наше отношение к доступу к экономическим ресурсам, а также к способности участвовать в общественной и политической жизни»¹⁷. Ощутима маргинализация нетрадиционной сексуальной ориентации при формировании политики в области безопасности, экономической политики, а также политики в области развития и государственного строительства, что происходит как по недосмотру, так и намеренно. Такая маргинализация показывает, чье участие считается легитимным, чьи представлены интересы и, в конечном счете, чей образ жизни в этом мире считается значимым. Те отношения между людьми, которые традиционно всегда считались «личными», все чаще рассматриваются публично. Даже если отношения между отдельными людьми считаются гетеросексуальными и являются «фактически» по большей части таковыми (то есть в том конкретном случае, где реализуется соответствующая политика), представления о браке, моногамии и власти, которые имманентно присутствуют в гетеросексуальной модели, распространяемой влиятельными организациями, могут тем не менее иметь негативные последствия¹⁸. Если интимные отношения концептуально не связаны с

14 Мишель Фуко, цит. по: David Campbell, *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*, revised edition, University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1998, p. 191.

15 Judith Butler, 'Contingent foundations: Feminism and the question of postmodernism', in S. Seidman (ed.), *The Postmodern Turn: New Perspectives on Social Theory*, Cambridge University Press, Cambridge, 1994 [orig. 1990, presented at the Greater Philadelphia Philosophy Consortium], p. 166.

16 Stuart Hall, 'Signification, representation, ideology: Althusser and the post-structuralist debates', in *Critical Studies in Mass Communication*, Vol. 2, No 2, 1985, p. 105.

17 Susie Jolly, "Queering" development: Exploring the links between same-sex sexualities, gender, and development" in *Gender and Development*, Vol. 8, No 1, 2000, p. 79.

18 См., например: Kate Bedford, 'Loving to straighten out development: sexuality and "ethnodevelopment" in the World Bank's Ecuadorian lending' in *Feminist Legal Studies*, Vol. 13, 2005, pp. 295—322.

гетеронормативной моделью, специалистам-практикам необходимо удостовериться в том, что достаточно внимания уделяется рассмотрению сексуального поведения в конкретном социально-политическом контексте. Наконец, подход, который я лично поддерживаю, стремится поставить под сомнение те, в основном негласные, нормы, которые пронизывают весь процесс формирования политики. Несогласие с указанными нормами можно видеть в стремлении к тому, чтобы все виды общественного и политического пространства, которые возникают в связи с практикой развития и процессом государственного строительства, были скорее инклюзивными, нежели эксклюзивными, и чтобы никакой способ бытия в мире не подвергался маргинализации или девальвации в связи с особой властью понятий «здравого смысла» над умами людей.

И наконец в-третьих, указанный подход привлекает внимание к процессу воплощения политики в жизнь. Этот подход не направлен на противопоставление различных интерпретаций тех или иных политических принципов, с тем чтобы отказаться от некоторых из них как от «неверных» или заявить, что по каким-то причинам тот или иной набор интерпретаций смыслов, содержащихся в таких документах, «лучше» других. Все слова имеют смысл и обладают ценностью; поэтому процесс придания значимости политическому документу неизбежен, однако он имеет серьезные последствия для интерпретации и, соответственно, реализации такого документа. Смысл не может быть зафиксирован; то, как мы понимаем политический документ или стратегический план, обусловлено нашим собственным дискурсивным контекстом и тем контекстом, в котором создавался соответствующий документ или план. Трудности в реализации Резолюции № 1325 (2000) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций или относительно недавней Резолюции № 1820 (2008) СБ ООН, которая ставит задачу ликвидации всех форм сексуального насилия как средства ведения военных действий, будут варьироваться в зависимости от места и времени. Такие вариации не являются следствием неточной репрезентации конкретных культурно-исторических контекстов; скорее, в соответствии с философией постструктурализма, это функция языка как такового. Поэтому попытка обнаружить происхождение смысла, его корни или ту реальность, к которой, предположительно, относится репрезентация, является неуместной. «Истина — это нечто, присущее миру, в котором мы живем. [...] У каждого общества свой режим истины [...], тип дискурсов, который общество приемлет и который оно вынуждает функционировать как истинный»¹⁹. Это имеет серьезные последствия для политических исследований, в том смысле, что поиск «истинной сути» вопроса или «реальности» в подобном модусе исследования превращается в поиск «таких систем власти, которые продуцируют и поддерживают ее [истину], а также таких следствий

19 Мишель Фуко, цит. по: 'Truth and power' (1877), in Colin Gordon (ed), *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977*, by Michel Foucault, Harvester, London, 1980 [transl. Fontana and Pasquino], p. 131.

власти, которые она индуцирует и которые ее усиливают»²⁰. Остается надеяться, что, используя концепции, неизбежно основанные на ценностных суждениях, как и все концепции, настоящая статья послужит возникновению критической интерпретации политических документов, которые упорядочивают жизнь отдельных людей повсюду, а также приведет к раздумьям на эту тему. Как отмечает Дора Яноу, «интерпретации обладают большим воздействием, нежели «факты». Это превращает политический процесс, на всех его стадиях, в борьбу за определение смысла»²¹.

Репрезентация гендера и насилия в «Комплексных нормативах ООН в отношении разоружения, демобилизации и реинтеграции»

«Комплексные нормативы ООН в отношении разоружения, демобилизации и реинтеграции» («Нормативы») — это главная политическая платформа, на которой осуществляются усилия по восстановлению нормальных условий жизни в период после окончания вооруженного конфликта на основе принципа долговременности и беспристрастности. «Нормативы» были опубликованы в 2006 г. и, как следует из сайта, на котором они представлены, это:

«исчерпывающий набор политических принципов, рекомендаций и процедур, охватывающих 24 области действий по разоружению, демобилизации и реинтеграции (РДР). «Нормативы» консолидируют основные руководящие указания в области РДР, представляя собой единый подход Объединенных Наций к планированию, организации и реализации РДР. Они также включают в себя перечень наилучшей практики и опыта, которые были накоплены всеми отделами, организациями, фондами и программами ООН, чья деятельность включает РДР»²².

Данный документ является свидетельством того, что в ООН была разработана программа действий, которая всерьез рассматривает проблему гендера, поскольку целая глава этого документа посвящена решению гендерных вопросов, возникающих в процессе постконфликтного восстановления. Тем не менее мой анализ «Нормативов» основан на предположении, что даже те материалы, где нет прямого и конкретного упоминания «о гендере», говорят о нем нечто весьма интересное и важное. Иными словами, весь документ, а не только та глава, которая посвящена проблеме гендера в процессе разоружения, демобилизации и реинтеграции, создан гендерными идентичностями, которые имеют как социальное, так и сексуальное измерение, и одновременно он создает такие идентичности.

20 Там же, с. 133.

21 D. Yanow, примечание 9 выше, с. 19.

22 United Nations, 'Integrated DDR Standards'. Доступно по адресу: <http://www.unddr.org/iddrs/> (последнее посещение — 18 марта 2009 г.).

Возможно, это несколько спорное заявление, однако если учесть, что процесс постконфликтного восстановления зачастую включает объединение отдельных индивидумов в производственные коллективы на основе семейной общности (например, домохозяйство или местное сообщество), мы начинаем видеть, каким образом различие полов может фигурировать в программах по РДР. Более того, постструктуралистский подход не рассматривает гендер как социальное формирование идентичности в противоположность полу как биологически фиксированной переменной величине. Скорее, вслед за Джудит Батлер²³, в рамках подобного подхода понятие биологического пола рассматривается как регулятивная фикция: наше понимание гендера утверждает и вследствие этого представляет собой индивидуальность, обладающую биологическим полом, однако и гендер, и биологический пол проявляют себя в том смысле, что они воспринимаются «реально существующими» через повторяющуюся череду действий, которые обычно воспринимаются как характеризующие гендерную (половую) идентичность. В рамках такого подхода скорее считается, что человеческое тело материализуется как обладающее гендером в результате существования наших теорий гендера, нежели что теории гендера возникают на основе материальности тела. Иными словами, мы имеем диморфную теорию гендера и относим тело (корректируем его принадлежность) к той или иной категории, чтобы оно вписывалось в нашу теорию, а не наоборот, так что тело в буквальном смысле слова создается подобным дискурсом. Далее, для того чтобы быть понятными, гендерные дискурсы требуют определенного проявления половых различий, доминирующим видом которого, по Батлер, является обязательная гетеросексуальность²⁴. В этой связи стремление определить, какие положения продуцируются «Нормативами», вызывает необходимость изучения тех проявлений гендера и половых различий, которые в «Нормативах» определяются как четкие и понятные. Это имеет серьезные последствия для реализации политики в постконфликтных ситуациях. Тем не менее проводимый в целях данной статьи анализ будет ограничен главой 5.10 «Нормативов» и, более конкретно, рассмотрением того, как гендер и насилие представлены в этой главе.

Гендер

«Нормативы» были составлены Межведомственной рабочей группой по разоружению, демобилизации и реинтеграции (Inter-Agency Working Group on Disarmament, Demobilization and Reintegration), сформированной в марте

23 См.: Judith Butler, *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, revised edition, Routledge, London, 1999; Judith Butler, *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of 'Sex'*, Routledge, London, 1993.

24 J. Butler, *Gender Trouble*, примечание 23 выше, с. 24.

2005 г. В свой состав Рабочая группа включает 15 организаций-членов²⁵ и представляет невероятно широкий спектр приоритетов и интересов, существующих в системе ООН. Такое разнообразие должно было с неизбежностью привести к противоречиям и соперничеству в дискурсивном поле Рабочей группы в силу различий в подходах к концептуализации основных идей, существующих между разными организациями, которые требовали единого разъяснения. Так, совершенно не очевидно, что понятие «гендер» означает одно и то же для Международной организации труда и для Фонда для развития в интересах женщин. «Подобные понятия, основанные на представлениях «здорового смысла», состоят из конкретных конфигураций дискурса, который в целом обладает конкретными горизонтами возможностей, включающих определенные модусы действий и исключающих остальные»²⁶.

Таким образом, в «Нормативах» неизбежно присутствуют концептуальная неопределенность и внутреннее напряжение, о которых свидетельствует даже сам заголовок главы 5.10: «Женщины, гендер и РДР». Я рискую предположить, что одновременное включение слов «женщины» и «гендер» явилось результатом процесса переговоров в рамках Рабочей группы, возможно, тех самых переговоров, которые привели к включению слова «гендер», но не слова «женщины», в приложение А к той же главе: «Термины, определения и сокращения». Итак, зачем нужно включать в заголовок слово «женщины», когда в той же главе «гендер» определяется как «социальные признаки и возможности, которые ассоциируются с понятием «мужчина» и «женщина», а также с отношениями между женщинами, мужчинами, девочками и мальчиками»²⁷? В соответствии с этим определением «женщины» включены в силу внимания, уделяемого проблеме гендера. Можно с большой долей вероятности предположить, что некоторые члены Рабочей группы приложили все усилия к тому, чтобы в главе 5.10 речь шла конкретно о женщинах, например, это мог быть Фонд ООН для развития в интересах женщин²⁸. Это соответствовало бы академическим и политическим дебатам

25 Управление по вопросам разоружения, Департамент операций по поддержанию мира, Департамент по политическим вопросам, Отдел информации и печати, Международная организация труда, Международная организация по миграции, Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИДу, Детский фонд ООН, Программа развития ООН, Фонд ООН для развития в интересах женщин, Институт ООН по исследованиям проблем разоружения, Фонд ООН в области народонаселения, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Всемирная продовольственная программа, Всемирная организация здравоохранения. См.: *United Nations Integrated Disarmament, Demobilization and Reintegration Standards (IDDRS)*, 2006. Доступно по адресу: http://www.unddr.org/iddrs/download/full_iddrs.pdf, 1.10, 6 fn. 1 (последнее посещение — 27 марта 2009 г.)

26 Laura J. Shepherd, 'Power and authority in the production of United Nations Security Council Resolution 1325', in *International Studies Quarterly*, Vol. 52, No 2, 2008, p. 384.

27 UN IDDRS 5.10, 23.

28 В Отчете 2007 г., посвященном достижениям и трудностям Рабочей группы, сказано, что «одной из самых больших трудностей была выработка общего подхода» (с. 4), и далее: «...основной урок, который можно извлечь из этого опыта, относится к проявлению гибкости и готовности к компромиссу во имя достижения высоких целей. Каждый представитель преследовал свои цели, однако все внесли вклад в выработку окончательного, единого и четкого продукта» (с. 2).

о практической ценности и использовании понятия «гендер» как деполи-тизированной альтернативы понятию «женщина». Наличие политического документа, который намеренно не рассматривает понятие «гендер» в качестве «приблизительно синонимичного понятию «пол» и близкого понятию «женщина»²⁹, обнадеживает. Но все же разделение этих двух терминов и их одновременное использование (а также использование выражения «интервенции, принимающие во внимание гендер», наряду с выражением «действия, касающиеся конкретно женщин», о чем пойдет речь ниже) делают сам заголовок главы неоднозначным и сбивающим с толку, а замешательство не сулит ничего хорошего при реализации содержащихся в ней идей.

В соответствии с «Нормативами» «невозможно рассматривать» различные проблемы, с которыми сталкиваются женщины, не обращая при этом внимания на то, что «гендерные отношения формируются также благодаря опыту и ожиданиям мужчин»³⁰. Однако включение слова «также» предполагает, что гендерные отношения формируются благодаря наличию тех проблем, с которыми сталкиваются женщины и которые проявляются как «политическая, социальная и экономическая маргинализация», и как «высокий уровень насилия в отношении женщин»³¹. Иными словами, маргинализация женщин и применяемое к ним насилие воздействуют и влияют на гендерные отношения. Таким образом, с самого начала гендерные отношения имплицитно определяются как зависящие от подчиненного положения женщин и насилия против женщин. Тем не менее «Нормативы» артикулируют неэссенциалистское понимание гендера (где «роли и отношения по определению конструируются...»³²), при котором гендер отделяется от понятия «пол» (последний обозначается как «биологическое различие между мужчинами и женщинами, которое носит универсальный характер и определяется при рождении»³³). Хотя определение пола как универсального биологического диморфизма является проблематичным (особенно с учетом того, что исследования, например, исследование, предпринятое Мелани Блэклес и др., показывают, что 1 % всех детей, выживших в процессе появления на свет, не могут быть обозначены «стандартными» определениями «М» или «Ж»)³⁴, привлечение внимания к социальной, культурной и политической составляющей формирования гендера —

Отчасти пытаюсь показать, что окончательный продукт не является ни единым, ни четким в передаче значения. См.: DDR Inter-Agency Working Group, 'Profile of accomplishments, challenges and lessons of DDR Inter-Agency Working Group in developing IDDRRS (2004 to May 2007)', 2007. Доступно по адресу: http://www.unddr.org/static/media/Challenges_Lessons_Achievements_DDRG-IAWG_May07_Final.pdf (последнее посещение — март 2009 г.).

29 Terrell Carver, *Gender is not a Synonym for Women*, Lynne Rienner, London and Boulder, CO, 1996, p. 18.

30 UN IDDRS, 5.10, 1.

31 Там же.

32 Там же, 2.

33 Там же, 25.

34 Melanie Blackless, Anthony Charuvastra, Amanda Derryck, Anne Fausto-Sterling, Karl Lauzanne and Ellen Lee, 'How sexually dimorphic are we? Review and synthesis', in *American Journal of Human Biology*, Vol. 12, No 1, 2000, pp. 151–166. В дополнение к приведенной выше статистике Блэклес и др. полагают, что поскольку половые различия не всегда явственны при рождении, практически невозможно правильно определить «гендер» младенца.

это потенциально прогрессивный концептуальный шаг. Тем не менее хотя в главе открыто и признается факт формирования гендера, в ней также имеются многочисленные примеры, где имплицитно или эксплицитно высказано предположение о том, что политическая воля может выводиться из физических форм, — следовательно, в основе документа лежит эссенциалистская позиция. Например, предположение о том, что «представительство женщин» обеспечит включение «интересов женщин» на стадии переговоров по вопросам РДР³⁵, похоже, обусловлено предпосылкой о том, что биологический пол определяет политические интересы, что противоречит основам феминистской теории о представительстве³⁶.

Далее, предлагая напомнить организаторам и представителям организаций-участниц о том, что «согласно международно-принятым требованиям женщины должны составлять как минимум 30% от всех участников демократического форума, уполномоченного на принятие решений»³⁷, «Нормативы» следуют традиционной логике в отношении участия женщин в политической жизни. И все это вопреки утверждению феминизма, которое подтверждается все большим количеством свидетельств, что «не существует ни единичной, ни универсальной зависимости между процентным количеством женщин, выбираемых на политические должности, и принятием законодательства, имеющего практическую значимость для женщин как социальной группы»³⁸. Несмотря на очевидные усилия изменить стереотип, в соответствии с которым женщины ассоциируются со стремлением к миру³⁹, считается, что их участие в официальном процессе принятия решений служит стабилизации общества в постконфликтный период.

Интересно, что согласно главе 5.10 руководящая роль остается привилегией мужчин, а женщины фигурируют в качестве «представительниц своего пола» и участниц «женских групп», в качестве «основных лиц, осуществляющих уход» и составляющих «до 75% всех домохозяйств» в переживших конфликт сообществах⁴⁰. Создается впечатление, что «Нормативы» предполагают достаточно высокий вклад женщин в обмен на весьма ограниченную долю официально предоставляемой им политической власти. Например, чтобы обеспечить понимание гендерной проблематики во время проведения переговоров по вопросам РДР, в главе 5.10 предлагается, чтобы «еще до начала официальных переговоров организаторы встреч и консультанты по гендерным вопросам проводили семинары, посвященные гендерной проблематике,

35 UN IDDRS, 5.10, 6.

36 См., например: Fiona Mackay, 'Gender and political representation in the UK: The state of the "discipline"', in *British Journal of Politics and International Relations*, Vol. 6, No. 1, 2004, pp. 99—120; Sarah Childs, 'Attitudinally feminist? The New Labour women MPs and the substantive representation of women', in *Politics*, Vol. 21, No 3, 2001, pp. 178—185; Joni Lovenduski, 'Women and politics: Minority representation or critical mass?', in *Parliamentary Affairs*, Vol. 54, No 4, 2001, pp. 743—758.

37 UN IDDRS, 5.10, 7.

38 Sarah Childs and Mona Lena Krook, 'Should feminists give up on critical mass? A contingent yes', in *Politics and Gender*, Vol. 2, No 4, 2006, p. 523.

39 UN IDDRS, 5.10, 2.

40 Там же, 3.

для участвующих в переговорах женщин»⁴¹. Почему лишь для женщин? И кто получит доступ к таким семинарам? Возникают те же вопросы, что и в отношении Резолюции № 1325 (2000) СБ ООН: «Какие именно женщины были включены и связываем ли мы больше ожиданий с женщинами (супергероинями), чем с мужчинами?»⁴²

Вопрос, чего же мы (или «Нормативы») ждем от мужчин, представляет значительный интерес. Как уже говорилось выше, исходной посылкой является признание привилегии мужчин относительно официального участия в политическом процессе. Тем не менее в данном документе маскулинность также признается как патология, проявляющаяся в поведении, которое является неадекватным и нездоровым. Мужчинам необходимо «учиться разрешать межличностные конфликты без применения насилия»⁴³, они «безответственно растрачивают себя, вместо того чтобы приносить пользу своей семье и своему сообществу»⁴⁴, они извлекают пользу из того, что «подчиняют себе» женщин и занимают «доминирующее положение»⁴⁵. Однако наиболее вопиющим дискурсивным насилием в том, что касается маскулинности, является исключение ее из заголовка главы и из содержащихся в этой главе рекомендаций. Там идет речь о «действиях, принимающих во внимание проблему гендера» (многие из которых относятся к женщинам), а также о «действиях, нацеленных конкретно на женщин», — вопреки признанию, что «основополагающим принципом программ РДР, проводимых под эгидой ООН, является гендерное равенство»⁴⁶.

Я не пытаюсь, как это делали другие⁴⁷, исправить обнаруженный дисбаланс, привлекая внимание к отсутствию в «Нормативах» позитивной репрезентации маскулинности. Скорее, я предлагаю всерьез задуматься о том, какие последствия вызывает подобный пробел. Учитывая всецело негативную репрезентацию темы маскулинности в «Нормативах», можно было бы почти понять, если бы представляющие мужчин заинтересованные стороны, организаторы и эксперты по РДР проявляли мало или вообще не проявляли озабо-

41 Там же, 6—7 (курсив автора статьи).

42 Курсив автора. «В рамках подхода с точки зрения «потребительской стоимости» потенциальная утрата состоит в следующем: женщины должны принимать участие, потому что они имеют на это право, потому что у них есть на то основания, ведь они такие же люди, личности и человеческие существа, а не только исключительно потому, что кто-то видит в них миротворцев. Я думаю, что нежелание признать, что постулирование роли женщин как миротворцев и как пацифистов вряд ли способствовало «освобождению» женщин и превращению их в равных политических партнеров в политическом процессе, является не очень умным с политической точки зрения». Carol Cohn, Helen Kinsella and Sheri Gibbins, 'Women, peace and security: Resolution 1325', in *International Feminist Journal of Politics*, Vol. 6, No 1, 2004, pp. 136—137.

43 UN IDDRS, 5.10, 1.

44 Там же, 13.

45 Там же, 23.

46 Там же, 4.

47 См., например: Adam Jones, 'Gender and genocide in Rwanda', *Journal of Genocide Research*, Vol. 4, No 1, 2002, pp. 65—94, а также: Adam Jones, 'Does gender make the world go round? Feminist critiques of international relations', in *Review of International Studies*, Vol. 22, No 4, 1996, pp. 405—429.

ченности по поводу тех проблем, о которых идет речь в главе 5.10. Более того, неспособность признать, что у экс-комбатантов мужчин, равно как и у экс-комбатантов женщин, могут иметься «особые потребности в области физического и психологического здоровья»⁴⁸, что мужчины, и особенно мальчики, могли столкнуться с «сексуальным насилием во время войны»⁴⁹, что мужчины и мальчики могут являться иждивенцами экс-комбатантов⁵⁰, — в конечном счете подобная неспособность закрепляет формирование концепции гендера, пренебрегающей адекватным различием между гендерными отношениями и биологическим полом. Мужчины и женщины остаются ограничены рамками своего тела, оно практически определяет их сущность: мужские качества (выносливость, агрессия и сила) в противоположность женским качествам (слабость, пассивность и несостоятельность). Однако вместо ревальвирования мужской темы в главе закрепляется необдуманное отрицание маскулинных привилегий, благодаря чему потребности женщин (и женское тело) получают приоритетное значение. Так быть не должно. Действительно, тонкая гендерная политика не должна способствовать формированию концепции гендера как соперничества, в котором один обязательно выигрывает, а другой обязательно проигрывает, где мужчины или женщины выигрывают исключительно за счет другого. Вместо этого политика должна привлекать внимание к различиям между мужчинами и женщинами (которые не сводятся к телесному означаемому), при этом не раздувая их.

Многие постструктуралистские работы в области феминизма строятся на квир-теории, чтобы поставить под вопрос наши представления о нашем теле, о роли биологического начала и о различных проблемах, связанных с полом и половыми различиями, которые считаются «естественными».

Наш опыт сказывается на нашем облике, состоянии и функционировании нашего тела. Например, женщины могут подвергнуться операции по удалению матки, могут рожать или не рожать детей, удалять волосы на теле и лице или позволять им расти. И мужчины, и женщины могут заниматься физическими упражнениями, чтобы нарастить мускулы, а могут этого и не делать, у них бывают травмы, полученные на войне или в результате занятий спортом. [...] Общие черты, характерные для тел одного «биологического» пола, преувеличиваются, а общность между телами разного пола преуменьшается. [...] Таким образом, хотя категории пола и *кажутся* естественными и абсолютными, они «корректируются» человеческим воздействием⁵¹.

Итак, постструктуралистский подход соглашается с тем, что репрезентация гендера, пола и половых различий в политических документах не

48 UN IDDRS, 5.10, 17.

49 Там же, 16.

50 Там же, 12.

51 S. Jolly, примечание 17 выше, с. 85—86 (курсив оригинала).

просто описывает реальность тела, а скорее создает реальность семейной ячейки, сексуальных отношений, родительской заботы и огромного количества прочих социальных условностей, равно как и физических качеств гендерного тела, которые обусловлены нормой гетеросексуальности. Следовательно, гендер в значительной степени зависит от того, как мы понимаем человеческую жизнь, буквально обозначая параметры вопроса «Кого можно считать человеческим существом?» С точки зрения политики, этот вопрос можно было бы переформулировать следующим образом: «К кому относится эта политика?» Включение в сферу действия такой политики групп людей и, соответственно, их исключение на основе соблюдения ими набора «естественных» культурно-обусловленных идеалов (половая бинарность, отражающая физический диморфизм, сексуальное желание, следующее логике противоположности) приводит к насилию по отношению к тем, чья жизнь и так отмечена насилием, поскольку они воспринимаются как преступившие нормы гендера.

Насилие

В начальном абзаце главы 5.10 «насилие» впервые упоминается в связи с предикатом «сексуализированное» как представляющее опасность, которая угрожает женщинам⁵². В следующем абзаце идет речь о проблеме «насилия в отношении женщин»⁵³. Как уже говорилось выше, в том же самом обобщающем разделе говорится о том, что мужчины должны «учиться разрешать межличностные конфликты без применения насилия»⁵⁴. В таком случае насилие — это нечто, что происходит *в отношении женщин*, нечто, что *совершается мужчинами*. Поскольку данная формула исключает возможность того, что мужчины могут стать жертвами гендерного насилия, она является заведомо ложной. Она также определяет еще более узкие рамки возможных действий для женщин, которые уже и так ограничены благодаря эссенциалистской формулировке понятия гендера, лежащего в основе «Нормативов», указывая, что насилие является «потенциальной [причиной] незащищенности [...] женщин»⁵⁵ и потому женщины нуждаются в защите. В этой главе приоритетное внимание уделяется «сексуализированному» насилию, или «насилию на основе гендера», что позволяет предположить, что в некотором роде гендерные отношения содержат, по необходимости или даже по своей природе, элементы насилия. «Военнослужащие-женщины должны [...] играть важную роль в получении и передаче информации об основанном на гендере насилии и (или) сексуальной эксплуатации»⁵⁶, вероятно потому, что, как считается,

52 UN IDDRS, 5.10, 1.

53 Там же.

54 Там же, см. также 5.

55 Там же, 9.

56 Там же, 13, также см. 19.

жертвами такого насилия будут опять-таки женщины. С другой стороны, мужчины «могут выражать свою фрустрацию через повышенный уровень насилия»⁵⁷. Наиболее очевидным следствием подобной репрезентации является ограничение дискурсивных и материальных возможностей, которые предоставляются мужчинам, пострадавшим от гендерного насилия, чтобы они могли сообщить об акте насилия и попытаться добиться справедливости. Еще одно следствие — поскольку гендерное насилие ассоциируется с принадлежностью к женскому полу, те мужчины, которые столкнулись с подобным насилием, могут ощущать себя феминизированными, что заставляет их хранить молчание даже в тех ситуациях, когда они имеют возможность сообщить о случившемся.

Репрезентация насилия как явления, происходящего во время конфликта, имеет четко выраженные темпоральные характеристики, так как в главе 5.10 постоянно проводится различие между периодом, когда происходил вооруженный конфликт, и «постконфликтным» этапом. Это весьма проблематично, так как предполагает определенный уровень порядка и регулирования ситуации, которого может просто не быть.

Война совершенно точно не начинается и не заканчивается в четко определенный момент времени. Скорее, она являет собой некий континуум конфликтных действий, которые иногда выражаются в виде вооруженной силы, иногда в виде экономических санкций или политического давления. Позднее период предполагаемого мира могут назвать «предвоенным периодом». В то время когда идут военные действия, хотя этого могут и не наблюдать сражающиеся пехотинцы, уже начинают происходить процессы, направленные на установление мира. Послевоенный восстановительный период могут впоследствии обозначить как *inter bellum* — всего лишь как паузу между войнами⁵⁸.

Несмотря на то, что предпосылкой для процесса РДР в некотором смысле является определение времени или состояния общества как «постконфликтного», необходимо обращать внимание на то, что военные действия возможно еще не вполне закончились, что доступность ресурсов еще не улучшилась и что все еще сохраняется весьма ярко выраженное отношение к тем, кто поддерживает ту или иную сторону в конфликте или же ей симпатизирует.

«Нормативы» также в неявной форме проводят различие между вооруженным конфликтом и конфликтом, который не является вооруженным, хотя последний нигде не обсуждается. Репрезентация насилия как конфликта разрывает важную связь, существующую между болью, телесностью

57 Там же, 14.

58 Cythia Cockburn and Dubravka Zarkov (eds), *The Postwar Moment: Militaries, Masculinities and International Peacekeeping*, Lawrence and Wishart, London, 2002, 'Introduction', p. 10 (курсив оригинала).

и особенностями опыта, которые составляют понятие «насилие». Не только сам язык, при помощи которого характеризуется конфликт, служит цели дистанцирования от материального (а тем самым, и реального) аспекта насилия, о чем идет речь в «Нормативах», «в большинстве работ, посвященных «анализу конфликта» или «разрешению конфликта», практически не уделяется внимания воздействию тех или иных общественных отношений на конкретные формы насилия»⁵⁹. Более того, «вопрос о том, как и почему данная ситуация «конфликта» отличается от нормальной ситуации, практически не встает»⁶⁰. По красноречивому утверждению исследователей Курц и Турпин, «тенденция рассматривать насилие как следствие аномального поведения со стороны девиантных лиц, находящихся на периферии общества, затеняет центральную роль насилия, которую оно играет в самом основании общественного устройства»⁶¹. То есть, как следует из постструктуралистского анализа, включение и исключение, переговоры и принуждение, и даже родительское воспитание, забота и уход могут быть связаны с насилием. При таком рассмотрении возникает вопрос: какие акты насилия следует считать достойными признания и когда происходят такие акты? Расширение понятия насилия, лежащего в основе феминистского анализа, о чем уже шла речь выше, позволяет нам со всей серьезностью отнестись к тому, что Артур Клейнман называет «насилием в повседневной жизни»⁶². За пределами узких рамок того, что происходит во время войны, а также насилия со стороны государства, имеется широкий спектр повседневного насилия, который, возможно, было бы нелишним включить в наш анализ РДР и вопросов безопасности.

Язык политики

Как поясняет Роксана Доти, дискурс — это не только язык. «Дискурс очерчивает границы условий понятности, благодаря которым *может быть «познана» определенная реальность и предприняты соответствующие действия*»⁶³. Дискурсы — это скорее системы продуцирования смысла, нежели просто утверждения, или язык, системы, которые «фиксируют» значение, пусть даже на время, и дают нам возможность осмысливать окружающий мир. Когда я говорю о том, что дискурсы «фиксируют» смысл, я не имею в виду, что существует некий исторический континуум или универсальность смысла. Это поли-

59 Donna Pankhurst, 'The "sex war" and other wars: Towards a feminist approach to peace building', in Haleh Afshar and Deborah Eade (eds), *Development, Women and War: Feminist Perspectives*, Oxfam GB, Oxford, 2004, p. 10.

60 Там же.

61 Цит. по: Cathy McIlwhaine, 'Geography and violent crime as development issues' in *Progress in Human Geography*, 1999, Vol. 23, No. 3, p. 460.

62 Arthur Kleinman, 'The violences of everyday life: The multiple forms and dynamics of social violence', in Veena Das et al. (eds), *Violence and Subjectivity*, University of California Press, London and Berkeley, CA, 2000, pp. 226—241.

63 Roxanne Lynn Doty, *Imperial Encounters*, University of Minnesota Press, London and Minneapolis, MN, 1996, p. 6 (курсив автора статьи).

тика повторяющихся практик, такие процессы постоянно продолжаются и никогда не завершаются. Скорее, «условия понятности» имеют многосторонний, открытый и текучий характер, они должны постоянно артикулироваться и организовываться заново, если мы хотим, чтобы то, что когда-то являлось «здоровым смыслом», таковым и оставалось. Именно отсутствие завершенности и ограниченность подобной фиксации и определяют пространство для критического анализа. Выше я уже говорила о том, как в главе 5.10 «Нормативов» представлена подлинная сущность гендера и насилия, ибо то, как нам видится их сущность, имеет непосредственное материальное воздействие на меры, принимаемые в этом отношении. В настоящем разделе я предлагаю некоторые заключительные соображения и выдвигаю ряд потенциально плодотворных направлений для будущих исследований.

Какие выводы можно сделать в отношении вопросов, обсуждаемых в настоящей статье? Теоретические размышления могут представлять интерес (по крайней мере, для некоторых), однако каким образом изложенные аргументы и проделанный анализ способны внести вклад в изучение вопроса «женщины и война»? Первым пунктом, который необходимо подвергнуть критическому рассмотрению, должен быть язык политических документов. Каждый политический документ международного уровня, независимо от его размеров и кажущейся незначительности, по определению проходит через процесс создания, редактирования и согласования между теми, кто его поддерживает, и различными заинтересованными сторонами. Такие обсуждения редко привлекают к себе интерес со стороны ученых (знаменательным исключением является анализ документа ('holy brackets') IV Всемирной конференции женщин ООН в Пекине, 1995 г.)⁶⁴. Тем не менее хочу предложить уделять больше внимания тому, каким образом эти важнейшие документы получают именно такими, какие они есть. Это важно не потому, что можно написать идеальный политический документ, который бы не ставил в привилегированное положение и не маргинализировал ни одну из групп населения или отдельных лиц, и не потому, что тем, кто участвует в процессе выработки политики, чтобы выразить то, что они действительно имеют в виду, необходимы экспертные знания занимающихся этим вопросом ученых. Напротив, получая больше информации о том, какие группы организованы вокруг каких идей (как в концептуальном плане, так и в плане стратегии), и о том, каким образом разрешается напряжение, когда две или несколько групп оказываются вовлечены в конфликт, мы яснее представляем себе, как понятия здравого смысла распространяются и продуцируются (репродуцируются) в зависимости от особенностей языка самого политического документа. Я уже сравнивала подобный анализ с упражнением по составлению карты, где

64 См., например: Robin Morgan, 'The UN Conference: Out of the "Holy Brackets" and into the Policy Mainstream', *Women's Studies Quarterly*, Vol. 24, No. 1/2, 1996, pp. 77–83; Lois A. West, 'The United Nations Women's Conference and Feminist Politics', in Mary K. Meyer and Elisabeth Prügler (eds), *Gender Politics in Global Governance*, Rowman and Littlefield, Lanham, MD, 1999, pp. 177–196.

соответствующая территория является дискурсивной⁶⁵. Надо подчеркнуть, что целью подобного упражнения не является критика или отстранение от переговоров той или иной организации на основании ее дискурсивной территории. Скорее, нам следует помнить, что, поскольку идеи имеют значение, необходимо больше знать о тех идеях, которых придерживаются подобные группы.

Вторым видом критического рассмотрения, которое возможно благодаря вышеописанному исследовательскому подходу, является перевод обозначенной в документе политики в план действий. Политический документ всегда подлежит переводу, вполне возможно в буквальном смысле слова (так, Резолюция № 1325 (2000) СБ ООН в настоящее время переведена на сто различных языков мира), и уж конечно, метафорически. Рекомендации, предложения и руководства по наилучшей практике, содержащиеся в политическом документе, должны получать внятное разъяснение в связи с непосредственным контекстом его воплощения в жизнь. Совершенно очевидно, что контексты отличаются друг от друга, и нам следует обращать внимание на то, каким образом такие отличия воздействуют на реализацию политики, с тем чтобы в будущем все это можно было использовать в процессе принятия решений. Даже самая принципиально новая политика не является целью сама по себе, и эксперты, занимающиеся данной областью политического анализа, стремятся показать, как язык, который используется для формулирования политики, воздействует на ее реализацию на местах (а также на ее результаты), с тем чтобы демонстрация такого воздействия принесла пользу на следующей стадии политического процесса⁶⁶. Вне сомнения, конечным пользователям, затронутым данной политикой, будет что сказать об эффективности ее реализации, и наоборот. Этот второй вид анализа включает соображения в отношении того, каким образом для решения политических вопросов происходит организация обычных людей или коренных народов. Мы знаем, что глобальное управление не обязательно представляет собой формальный, централизованный институт, нам также известно и то, что,

65 L. Shepherd, примечание 24 выше.

66 Международный учебный и научно-исследовательский институт по улучшению положения женщин ООН (МУНИИПЖ) (The United Nations International Research and Training Institute for the Advancement of Women — UN-INSTRAW) собирает информацию о реализации Резолюции № 1325 (2000) СБ ООН и составлении национальных Планов действий. На момент написания статьи имелось 14 таких планов. МУНИИПЖ также опубликовал Справочный документ по данному вопросу, составленный Анной Корнеевой и Джасмин Блессинг, под названием 'Planning for Action: Good Practices on implementing UNSCR 1325 on a national level' («Планирование действий: Наилучшая практика реализации Резолюции № 1325 (2000) СБ ООН на национальном уровне»), 2008. Доступно по адресу: <http://www.un-instraw.org/images/files/Backgroundpaper1325.pdf> (последнее посещение — 10 августа 2009 г.). Вопрос национальных Планов действий лишь начал привлекать внимание ученых, и мне лично известно, что в настоящее время несколько человек работают над этой проблемой. См., например: Belgin F. Gumru and Ian Marie Fritz, 'Women, peace and security: An analysis of the National Action Plans developed in response to UN Security Council Resolution 1325' in *Societies Without Borders*, Vol. 4, No 2, 2009, pp. 209—225.

по всей вероятности, неформальные децентрализованные сетевые организации будут конструировать свое участие иным образом. Чтобы дополнить дискурсивное картирование, о котором шла речь выше, можно было бы, с использованием тех же принципов, предпринять пространственное картирование и проследить за тем, как функционирует перевод политики в действия и какой это производит эффект, а также за тем, как заинтересованные стороны используют полученные конечные результаты.

Наконец, я предлагаю третий вид анализа — темпоральное картирование. Параллельно с картированием дискурсивного и пространственного горизонта того или иного политического документа было бы также интересно создавать базу знаний, относящихся к конкретной политике, и прежде всего посмотреть, как с течением времени меняются тексты, производные от основного документа. Так, уже сейчас наблюдается сдвиг в отношении репрезентации Резолюции № 1325 (2000) СБ ООН, изначально позитивное восприятие которой изменилось благодаря прозвучавшей критике. Аналогичное внимание, несомненно, привлечет и Резолюция № 1820 (2008) СБ ООН. Хотя одному исследователю или группе исследователей будет вряд ли под силу заниматься всеми тремя обозначенными здесь видами исследований за пределами какого-либо одного конкретного вопроса, архивирование данных при помощи темпоральной карты значительно упростило бы идентификацию и, соответственно, возможность понимания сдвигов, которым подвергаются смысл и эмфаза, — как в самом политическом документе (в его обновленных редакциях), так и в документах, произведенных на его основе, что с неизбежностью и происходит.

В таком случае все три вида картирования имеют в своей основе предположение, что нам необходима политика в отношении языка, с тем чтобы яснее понимать процесс формулирования политики и ее воплощения в жизнь. Однако они также признают тот факт, что точно определить язык политики невозможно. Невозможно просто сказать то, что мы имеем в виду, даже если мы имеем в виду то, что говорим. «Построение дискурса никогда не является законченным множеством»⁶⁷, всякое построение зависит от обстоятельств в том смысле, что критическое рассмотрение доминирующих дискурсов (таких как гендер, насилие или безопасность) всегда возможно, а такая возможность содержит потенциал для изменений. Мы — те, кто формирует политику, ученые, студенты и практики — не можем избежать формирования смысла в результате наших доброжелательных интервенций. Однако это не должно приводить к возникновению инерции. Мы не должны отмахиваться от политических документов и выплескивать с водой ребенка, отказываясь от тех стратегических достижений, полученных при помощи концепций, в основе которых лежат ценностные суждения. Скорее, мы можем

67 См. Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, *Hegemony and Social Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, 2nd edn, Verso, London, 2001, p. 107.

предлагать множественное прочтение многокомпонентной политики, прекрасно при этом осознавая все лакуны в собственных знаниях и в политике. Хочется надеяться, что настоящая статья будет способствовать критическому прочтению и анализу политических документов, которые распоряжаются жизнью людей повсюду, поскольку, как всегда, они используют концепции, в основе которых, как это обычно бывает с концепциями, по определению лежат ценностные суждения.